

Комната была окутана зловещим фиолетовым светом. Бесчисленные куклы с мертвенно-бледными лицами застыли в жутких улыбках, а в их абсолютно черных, лишенных блеска глазах читалось нездоровое возбуждение.

Они задрали головы, уставившись на прекрасного юношу в самом центре. Одежды даоса были изорваны и испачканы кровью, сквозь прорехи виднелась изящная линия талии, а длинные, словно лунный свет, волосы разметались по плечам. Он выглядел как божество, сошедшее в мир, чтобы явить милосердие всем живым существам.

Хэ Юйпу слегка опустил длинные ресницы, скрывая за ними вспыхнувшую тревогу. Под колоссальным давлением его тело невольно напряглось, а кончики пальцев мелко дрожали. Если бы куклы были хоть немного умнее или чары очарования развеялись, эти злые духи без колебаний вцепились бы ему в горло.

Хэ Юйпу сделал короткий, поверхностный вдох, заставляя себя успокоиться. Он расслабил мышцы, чтобы никто — ни живой, ни мертвый — не заметил ни тени сомнения. Переведя взгляд на суетящихся кукол в красном и желтом платьях, он увидел, как те сбивчиво снуют среди мелких призраков, пересчитывая их по пальцам. Усердие, с которым они занимались этим нелегким делом, принесло ему облегчение.

Похоже, эти злые духи не отличаются большим умом, подумал он, значит, их можно обвести вокруг пальца.

Куклы были всего лишь игрушками: они не понимали сложной человеческой математики и могли считать только по одной штуке, но количество призраков было настолько огромным, что счет казался бесконечным. У кукол начало заканчиваться терпение, на лицах проступила обида, а из черных глаз без белков потекли кровавые слезы, оставляя на бледной коже страшные полосы.

Это был верный признак того, что злые духи вот-вот выйдут из-под контроля.

Хэ Юйпу нахмурился и вовремя подал голос:

— Не спешите. Ничего страшного, если считаете медленно, главное — сосчитать точно.

Он продолжил свою легенду:

— Дома мы едва сводим концы с концами, эти яблоки — наши единственные деньги, это вопрос жизни и смерти. Нельзя упустить ни одного, понимаете? Но и лишнего брать нельзя. Нас всего трое — мать и две дочери, мы слабы. Если возьмем больше, чем положено, клиенты нас отругают.

Холодный, чистый голос Хэ Юйпу звучал с выверенными паузами, действуя словно успокоительное. Гнев двух кукол, раздраженных бесконечным счетом, мгновенно улетучился. Они посмотрели на раненого Хэ Юйпу, который, обессилев, сидел на полу, и их сердца

дрогнули от жалости.

Они послушно ответили:

— Хорошо, мама.

Им даже в голову не пришло, что в том, как Хэ Юйпу с таким спокойствием отдает им приказы, есть что-то странное.

Лжедаос, стоявший позади, остолбенел. Талисман в его руке не знал, то ли его использовать, то ли убрать обратно — его картина мира была разрушена. Когда он сталкивался со злыми духами, то всегда сражался до смерти, но ему и в голову не приходило, что можно просто заставить призраков помогать пересчитывать деньги. В некотором смысле, у его ученика определенно был талант к укрощению духов, вот только навыки были весьма специфическими.

Кукла в желтом платье, цокая пластиковыми суставами, встала на цыпочки и усердно продолжила счет:

— Восемьдесят пять... восемьдесят шесть... восемьдесят семь!

Она замерла, закончив с ближним рядом, и с хрустом повернула голову в сторону следующего сектора. Нарисованные черные зрачки уставились в пустоту.

Ничего нет?

Пластиковый мозг куклы медленно переварил информацию: она закончила считать правый сектор! Отлично. Она украдкой взглянула на свою соперницу: кукла в красном платье все еще копалась в левом секторе, едва не ломая пальцы.

Нарисованные губы куклы в желтом растянулись в широкой, жуткой улыбке, из горла вырвался клекот, и она сорвалась с места. Подобно ребенку, занявшему первое место, она на всех парах помчалась к Хэ Юйпу, оставляя длинные борозды от острых ногтей на полу. Ее искаженное лицо выражало неистовое безумие.

Это было странное, пугающее зрелище, вызывающее у любого желание отступить. Доползя до Хэ Юйпу, она полулегла на его колени, глядя на него с обожанием:

— Восемьдесят семь! Мама, на моей стороне восемьдесят семь кукол.

Хэ Юйпу улыбнулся и, не обращая внимания на жуткий вид куклы, взял ее на руки и нежно погладил по голове:

— Ты молодец, ты самая лучшая девочка на свете.

Он был естественен и открыт, в нем не было ни капли страха. Однако, скрытый от чужих глаз, его кулак был влажным от пота, а кадык судорожно двигался, пока он изо всех сил сдерживал дрожь в голосе, сохраняя мягкое выражение лица.

Успех. Он обманул их всех.

В правом секторе призраков было больше, и кукла в красном платье заметно нервничала. Ее лицо стало свирепым, она с грохотом опрокидывала призраков, едва закончив счет, словно пытаясь привлечь внимание Хэ Юйпу.

Хэ Юйпу вздрогнул, поднял глаза и встретился взглядом с ее пустыми глазницами. Он быстро нашелся:

— Я знаю, что ты торопишься, но не спеши так.

Он одарил ее нежной улыбкой, в которой не было ни грамма упрека:

— Вы обе — мои хорошие девочки. Там просто больше яблок, поэтому и счет идет медленнее. Мама на тебя не сердится.

По правде говоря, Хэ Юйпу не ожидал от них многого. В их пластиковых черепных коробках вряд ли было хоть немного ума, так что этот темп — предел их возможностей.

Услышав похвалу, кукла в красном платье просияла, и на ее бледном лице появилась подобие улыбки. Она вернулась к счету:

— Девяносто шесть... девяносто семь... девяносто восемь... девяносто восемь.

Она склонила голову набок, хлопая глазами:

— Эй, а дальше?

Хэ Юйпу ласково подсказал:

— Значит, это всё.

Кукла в красном захлопала в ладоши, ее голос стал визгливым и странным:

— Ура!

Она бросилась к Хэ Юйпу, раскинув руки для объятий. Тот без колебаний подхватил ее:

— Там девяносто восемь кукол?

— Да, — проворковала она, — я пересчитала дважды, прежде чем доложить маме.

Хэ Юйпу погладил ее волосы из каникалона, испачканные в липкой крови:

— Ты просто умница.

Обе куклы, как и остальные призраки, изображавшие яблоки, с усмешкой задирали головы, не сводя с него черных глаз. Они беззвучно облизывали губы. Казалось, они проголодались, но вынуждены терпеть ради этой игры в дочки-матери.

Время тянулось бесконечно. Сотни взглядов были прикованы к Хэ Юйпу. Его спина затекла, тонкие одежды пропитались холодным потом, а воздух из кондиционера, словно лезвие, полосовал кожу. Сидя в окружении призраков, он в уме сложил результаты: восемьдесят семь плюс девяносто восемь, плюс еще двое... Сто восемьдесят семь?

У куклы в красном платье в животе заурчало, и она с недовольством уставилась на прекрасное лицо Хэ Юйпу:

— Мама, когда мы пойдем продавать кукол?

Она чувствовала, что этот человек хочет закончить игру. А она была голодна. Глаза куклы налились ядом, острые когти начали скрестить воздух, а обнажившиеся клыки выдавали в ней хищника.

Хэ Юйпу услышал, как Лжедаос судорожно вдохнул. В комнате воцарилась гнетущая тишина. Даже в чате трансляции стало непривычно тихо.

Он понимал, что кукла нетерпелива из-за голода и теперь ищет повод для нападения. Это была детская комната: бутылочки, ножницы, ватные палочки — здесь не было ничего похожего на рынок. И уж тем более не было денег. Не предлагать же двум мастерам тайных искусств обмениваться талисманами на глазах у толпы призраков?

Если он ответит неверно, его разорвут на куски.

Кукла в красном платье смотрела на него с такой жадностью, что по коже бегали мурашки. Хэ Юйпу опустил глаза и коснулся ее пластиковой щеки:

— Но мама ранена, я не могу пойти на рынок прямо сейчас.

Он не стал играть по правилам, как обычный игрок. Опыт общения с духами подсказывал: этот демон испытывает его на прочность. Стоит проявить хоть каплю слабости или паники, и смерть неизбежна.

— Разве ты хочешь, чтобы мама шла продавать яблоки раненой?

Хэ Юйпу выглядел болезненно бледным, уголок губ был испачкан кровью. Он выглядел донельзя уязвимым:

— Мне так больно, руки болят, ноги болят, голова кружится. Наверное, смогу пойти только завтра.

Он закусил губу, изображая мучительную нерешительность, и посмотрел на куклу:

— Но если доченька так хочет... мама пойдет. Даже если умрет по дороге...

Кукла в красном платье замерла. Ее пустой мозг пытался осмыслить сказанное:

— А... умрешь по дороге?

Она прильнула к его ногам, внимательно разглядывая раны, и продолжила играть свою роль:

— Не надо, не надо идти. Мама важнее.

Хотя смерть этого человека ее бы не огорчила, но он не должен пострадать, будучи мамой в их игре. Особенно ради нее, дочки.

Хэ Юйпу удовлетворенно кивнул:

— Ты повзрослела.

Лжедаос: «...»

Глядя на эту сцену материнской любви и сыновней почтительности, он неловко опустил руки, прекращая складывать заклинание. Похоже, помощь ему не требуется.

Кукла в желтом платье вдруг хихикнула и вытащила откуда-то конфету. Она с хрустом разгрызла ее клыками — звук был резким и пугающим, словно она жевала не леденец, а человеческий череп. Она уставилась на Хэ Юйпу, сглатывая осколки сахара. Нарисованные глаза вдруг ожили, превратившись в бездонные пропасти.

Хэ Юйпу охватил ледяной холод. Его будто заживо пожирали. Лжедаос, наконец найдя момент, сложил пальцы в мудру:

— Разум мой — дзен, все сущее — в единстве.

Эти слова, наполненные мощной буддийской силой, вырвали Хэ Юйпу из иллюзии. Его взгляд прояснился, лицо оставалось невозмутимым. Он взглянул на таймер: прошло восемнадцать минут. Если Лжедаос окончательно превратится в монстра, спасения не будет.

Нужно выключить фонарик.

— Сходи, принеси маме фонарик, — спокойно произнес Хэ Юйпу.

Кукла в красном, желая выслужиться, сорвалась с места. Кукла в желтом осталась на месте, склонив голову, словно о чем-то размышляя. Спустя мгновение она достала из кармана две помятые конфеты и протянула их ему:

— Ты, кажется, очень хочешь есть.

Хэ Юйпу осторожно погладил ее по голове:

— Ты умница. Сама съешь одну, а две отдай маме. Очень вежливо.

Кукла в желтом не выглядела счастливой:

— Но разве вас не двое?

Хэ Юйпу, решив, что она имеет в виду Лжедаоса, улыбнулся:

— Какая ты воспитанная.

Он потянулся к тени сбоку, думая, что это Лжедаос:

— Учитель, это дала дочка...

Его рука коснулась другой руки — тонкой, нежной и ледяной. Улыбка Хэ Юйпу застыла. Это была рука девушки, а не старческие, покрытые мозолями руки шестидесятилетнего Лжедаоса.

— Сяо Пу.

Зловещий шепот, словно тупой нож, прошелся по его позвоночнику. Хэ Юйпу обернулся и увидел Лжедаоса, стоящего в отдалении с остекленевшим, испуганным взглядом. Если учитель там, то кто рядом с ним?

Девичий голос прошептал:

— Ш-ш-ш.

Температура в комнате упала на несколько градусов. Все куклы мгновенно затихли, боясь даже моргнуть. Хэ Юйпу повернул голову и увидел жуткое лицо, появившееся из ниоткуда в сантиметре от его собственного. Запах разложения ударил в нос.

Женщина-призрак прильнула к его плечу. Ее кожа в фиолетовом свете блестела, как пластик, но на ощупь была как у живого человека.

— Ты взял мою конфету, — прошептала она ему в ухо с нотками ядовитого торжества. — Я голодна. Что будем делать?

Хэ Юйпу понял: этот дух по силе, интеллекту и опасности на голову выше остальных.

Его сердце забилось в бешеном ритме, а затем накрыла удушающая боль. Черт, сердечный приступ из реальности отразился на игровом теле. Хэ Юйпу задышался, но воля к жизни заставила его прошептать:

— Учитель...

Ответа не последовало. Лжедаос в ужасе наблюдал, как его ученика опутал призрак.

Длинный, холодный язык скользнул по его коже, а тонкие пальцы сжали горло. Она открыла рот, обнажив клыки, и...

— Щелк.

Она наткнулась на что-то твердое. Маленький призрак в недоумении посмотрел на человека перед собой. Хэ Юйпу с брезгливостью запихнул ей в рот конфету, пытаясь отстраниться.

— Вернул, довольна? Что за капризы, слезь с меня.

Белоснежные волосы красавца разметались, алые капли крови на бледной коже создавали резкий контраст. Он был прекрасен даже в своем раздражении. Никто не заметил, что вместе с конфетой он запихнул ей в рот сложенный в крошечный квадратик талисман изгнания духов.

Женщина-призрак проглотила конфету и талисман. Ее живот тут же пронзила боль. Она с визгом скатилась с Хэ Юйпу, задыхаясь от кашля.

Хэ Юйпу рванул к замку, но, услышав ее кашель, обернулся. Призрак лежала на полу, выплевывая талисман. Ее глаза, полные убийственной ненависти, не мигая, смотрели на него. Она едва заметно усмехнулась.

Как такое возможно? Хэ Юйпу не видел ни одного призрака, способного самостоятельно избавиться от талисмана.

Что-то не так.

Она не стала преследовать его сразу, наслаждаясь паникой жертвы. Но как только пальцы Хэ Юйпу коснулись замка, раздался тот же девичий голос:

— Убить.

Сотни кукол одновременно подняли головы. В комнате воцарился хаос из пронзительного смеха.

— Хи-хи-хи!

Они бросились на него со всех сторон, вцепляясь в одежду. Хэ Юйпу, стиснув зубы, отступил назад, прыгнул на головы монстров и, используя их как опору, оказался за спиной Лжедаоса, выставив того щитом.

Лжедаос: «?»

Ученик, спрятавшись за его спиной, притворно дрожал, прижимая руки к сердцу. Лжедаос, видя его слабость, почувствовал укол жалости. Наверное, он ошибся.

Хэ Юйпу, скрыв за ресницами холодный блеск глаз, внимательно наблюдал за женщиной-призраком. Она была ранена талисманом, значит, умерла недавно. Игрок? Или важный NPC? Но как она может управлять всем пространством?

Вдруг его осенило. Если Лжедаос — не хозяин мира, то он тоже подчиняется ей. Хэ Юйпу поднял глаза на старика. Его лицо становилось все менее человеческим, лишь в черных глазах еще теплился слабый след разума.

Женщина-призрак, вывернув голову на сто восемьдесят градусов, улыбалась ему. Она знала: этот человек обречен.

Хэ Юйпу, выглянув из-за спины Лжедаоса, произнес с ледяным спокойствием:

— Не задавайся. Ты всего лишь злой дух. Думаешь, сможешь съесть двух даосов?

Женщина-призрак: «О».

Логично. Но ты бы вышел из-за спины даоса, прежде чем говорить это.

Хэ Юйпу был удивлен: этот дух способен к диалогу? Она смотрела на него, ее липкая кровь капала на пол, образуя лужи. Она казалась неуверенной, словно это тело ей не принадлежало.

Она не понимала, почему этот красавец-даос не боится. Он не использовал ни одного заклинания, хотя его одежда говорила о том, что он мастер. Она не понимала, что он скрывает свою истинную силу.

Женщина-призрак сделала шаг вперед.

Хэ Юйпу глубоко вздохнул.

Следующее мгновение. Он слегка подрагивающими пальцами сжал рукав лжедаоса. Его глаза, чистые и мягкие, словно у кота, поднялись вверх, и он жалобно посмотрел на собеседника:

— Спаси меня.

— Она убьет меня, я не хочу умирать.

Хэ Юйпу опустил голову, его дыхание стало прерывистым, будто он вложил все свои силы в эту мольбу:

— Учитель.

Заметив нерешительность в глазах даоса, он с трудом выдавил:

— Неужели вы собираетесь встать на ее сторону? У нее так много кукол, а у меня есть только вы.

[Очарование активно...]

[Цель (Зеркальный монстр): уровень рассудка снижен на 80%]

[Рассудок Зеркального монстра: 20 (соответствует тяжелой форме угодливого типа личности: во что бы то ни стало он поверит всему, что вы скажете)]

В молодости даос сражался со злым духом, из-за чего был проклят на вечное одиночество, и все близкие ему люди погибали. Он думал, что так и проживет всю жизнь в изоляции, пока однажды не нашел младенца у храма. У этого ученика была невероятно сильная судьба, способная противостоять проклятию, поэтому даос растил его более двадцати лет, находя в нем единственную отраду. Он берег его от любых невзгод и никогда не позволял ни о чем беспокоиться.

Видя, как его любимый ученик, которого он лелеял столько лет, сейчас горько молит его о помощи, лжедаос закрыл глаза. Он просто не мог остаться в стороне и позволить ему погибнуть. Тем более что этот ученик был тем, кого он сам когда-то вытащил из-за зеркала, чтобы тот составил ему компанию.

Женщина-призрак, наблюдавшая за этим, прошипела:

— Черт, какая же это лицемерная гадина.

А я-то думала, он серьезный противник.

[Использовать эмоциональное давление — тоже тактика, это что, магическая атака?]

[Странно, почему лжедаос колеблется? Это не соответствует сценарию.]

[Соответствует. Ему еще три минуты до полной деградации, остатки человеческого сознания еще теплятся, так что мягкосердечие вполне логично. А вот после превращения — не факт.]

[Почему у этого NPC всегда такие странные способы решения проблем? Ха-ха-ха!]

Хэ Юйпу мельком взглянул на таймер задания, парящий в воздухе: прошло уже семнадцать минут. Тело лжедаоса местами начало гнить, признаки деградации становились все очевиднее. Вряд ли он продержится долго, прежде чем окончательно утратит человеческий разум и превратится в марионетку женщины-призрака.

Хэ Юйпу посмотрел на стремительно приближающуюся женщину-призрака, затем на деформированных кукол, окружавших их, и принял решение в ту же секунду:

— Учитель, прикройте меня, я открою этот серебристый замок!

Не дожидаясь ответа, он нахмурился, сделал широкий шаг и бросился к массивной двери, не обращая внимания на кукол, преграждавших путь. Хэ Юйпу буквально продирался вперед, топча пластиковые тела игрушек, стараясь не потерять равновесие: стоило ему упасть, как монстры разорвали бы его на части. Бесчисленные длинные когти оставляли кровавые полосы на его бледной коже, ноги были в крови, но он стиснул зубы и продолжал рваться вперед.

В тот момент, когда его пальцы коснулись замка, за спиной раздались звуки ожесточенной схватки. Яростный рев женщины-призрака и глухие стоны лжедаоса сплелись воедино, словно готовая взорваться бомба. Зеркальный монстр долго не продержится, тем более что женщина-призрак была королевой этого мира, и он испытывал перед ней животный страх.

Хэ Юйпу быстро прокрутил три цифры на замке, выставив комбинацию 187, и с силой дернул дужку, но та даже не шелохнулась. На лбу выступил холодный пот. Он без колебаний прикусил кончик языка, чтобы острая боль помогла ему сохранить самообладание. Сейчас нельзя было поддаваться панике.

Пальцы Хэ Юйпу нервно поглаживали замок, мозг работал на пределе возможностей, прокручивая в памяти каждую деталь с момента попадания в данж. Образ женщины-призрака всплыл в сознании: ее кожа казалась пластиковой, но на ощупь она была другой — скорее как содранная человеческая кожа...

Взгляд Хэ Юйпу потемнел. Он был почти уверен, что эта женщина-призрак — лишь еще одна кукла. Он положил указательный палец на последнюю цифру и сменил семерку на восьмерку.

Как раз когда он собирался открыть замок, его руку обхватила холодная ладонь с синюшной кожей, покрытой трупными пятнами.

— Братец-даос, куда это ты собрался?

Сладкий, приторный голос девушки снова раздался у него за спиной, но ее дыхание, подобно ядовитой змее, ледяным холодом прошло по коже за ухом. Хэ Юйпу застыл. Тонкие пальцы вцепились ему в горло с силой чемпиона по тяжелой атлетике, мгновенно перекрывая доступ кислорода. У него в ушах зазвенело, кожа на лице покраснела, приобретая болезненную, извращенную красоту.

Он не мог применить очарование, так как женщина-призрак находилась прямо за его спиной и не смотрела ему в лицо. Использовать магию? Хэ Юйпу знал, что лжедаос позади, а настоящий даос, возможно, наблюдает за ним из какого-то осколка зеркала. Его силы можно было использовать лишь там, где их не увидят ни тот, ни другой — в конце концов, даже зрители не знали истинного потенциала его карты личности. Но только не перед ними: они-то точно знали, чего он стоит.

Хэ Юйпу, задыхаясь, пытался разжать пальцы женщины-призрака, но ее хватка была железной. Никакие усилия не помогали. Он еще не успел придумать другой план, как вдруг хватка на шее ослабла, а сама женщина-призрак исчезла. Потеряв опору, Хэ Юйпу, у которого и так болело сердце, рухнул на пол, и мир перед глазами перевернулся.

Хэ Юйпу перевел взгляд и увидел, как дрожащий лжедаос прижал женщину-призрака к полу, позволяя ей терзать свое тело:

— Открывай замок и беги!

Лицо лжедаоса уже начало разлагаться, в нем копошились личинки, зрачки расширились, почти полностью поглотив радужку. Он смотрел на Хэ Юйпу с безумным обожанием:

— Открывай дверь, ну же, открывай!

Он тревожно подгонял его, пока женщина-призрак вгрызалась в его плоть. От боли его лицо исказилось в жуткой гримасе. Хэ Юйпу чувствовал, как все тело пронзает боль, но эта острая, невыносимая боль вдруг помогла ему прояснить мысли. В голове всплыли слова настоящего даоса:

— Скорее выбирайся! Ты ведь знаешь, как выйти?!

Если бы выходом была дверь, настоящий даос велел бы ему открыть серебристый замок, а не просто кричал бы, чтобы он выбирался. Хэ Юйпу снова посмотрел на лжедаоса: в его глазах почти не осталось разума, только фанатичное безумие.

В сценарии было пять подсказок:

1. Все цифры здесь зеркально перевернуты.
2. Код от двери — время, на котором остановились часы в комнате, плюс количество кукол.
3. У фонарика есть два режима, которые участники должны обнаружить сами.

4. Чтобы шоу выглядело достоверно, участник должен провести внутри не менее 30 минут, притворяясь, что усердно разгадывает загадки. Если выйти раньше, последует наказание от съемочной группы.

5. Участник должен озвучить на камеру более трех подсказок, чтобы покинуть комнату и отправиться в холл для следующего задания.

Ни в одном из пунктов не было сказано, что нужно немедленно уходить после открытия двери. Эта дверь была ловушкой.

На раздумья ушли считанные секунды. Опираясь на стену, Хэ Юйпу с трудом поднялся на ноги и вытер кровь с губ. За это время он понял: Зеркальный монстр — это лишь монстр, холодный и равнодушный. В нем не было той глубокой привязанности, что была у настоящего даоса, который оберегал его столько лет лишь из-за своего навязчивого желания не быть одиноким.

Если Хэ Юйпу откроет эту дверь и выйдет, он, скорее всего, навсегда останется заперт в мире Зазеркалья. Сценарий был крайне обманчив: если не проявить бдительность, можно либо стать обедом для женщины-призрака, либо остаться навечно в плену у лжедаоса, сосуществуя со злыми духами.

Лжедаос, окончательно теряя остатки терпения, взревел:

— Что ты делаешь?! Открывай замок и беги, я больше не могу сдерживаться!

Хэ Юйпу прислонился к стене, пытаясь вычислить, где находится настоящий выход, и положил руку на замок:

— Сейчас открою.

Он точно помнил, что, когда попал в данж, находился вплотную к «двери», поэтому настоящий даос и думал, что он знает, где она.

[Если этот NPC откроет дверь, он ведь больше не выйдет? Мир за дверью тоже часть Зазеркалья?]

[Именно, это ловушка для многих игроков. Интересно, поймет ли он это.]

[Ну, он же NPC, если останется за дверью, не умрет, какая разница.]

[Вечно жить внутри, среди призраков... в каком-то смысле это хуже смерти.]

Как только рука Хэ Юйпу коснулась замка, одна из кукол вырвалась из хватки даоса и вцепилась в его пальцы, с силой прокусывая кость. Теплая кровь хлынула из раны, острая боль пронзила мозг, но Хэ Юйпу лишь судорожно вздохнул, нахмурившись, и не отпустил замок.

Лжедаос был на грани полного превращения, его голос стал пугающим, он больше не

выговаривал слова как человек:

— Убегай... скорее убегай.

Женщина-призрак взревела, ее глаза горели хищной яростью:

— Ты смеешь!? Убей его, это приказ!

Лжедаос издал глухой стон, сломав собственную ногу в попытке противостоять давлению женщины-призрака. Ему было невыносимо больно, но в его черных глазах горело безумие:

— Убегай! Убегай из мира, который я для тебя создал!

Мир, который я для тебя создал...?

Хэ Юйпу замер, и внезапно все встало на свои места. Зеркало, у которого он лежал в самом начале, и было настоящей дверью! В сценарии, который он получил, был рисунок: два трехмерных пространства, наложенных друг на друга, и лишь маленький прямоугольник посередине, соединяющий их. И этим прямоугольником было зеркало!

Хэ Юйпу ввел верный код и открыл замок. Раздался щелчок, но он, не оглядываясь, пошел прочь, даже не взглянув на дверь, которую так хотел открыть лжедаос. Он перешагнул через грудку кукол и решительным шагом направился к зеркалу.

Из огромного зеркала, стоявшего на полу, донесся голос настоящего даоса, становясь все громче по мере приближения Хэ Юйпу:

— Я здесь! Просто ляг на зеркало, я поймаю тебя с той стороны!

— Хорошо!

Хэ Юйпу ответил, чувствуя, как внутри него вспыхнула жажда жизни. Он бросился к зеркалу. Оставался всего один шаг, как вдруг его схватили за одежду. Не успел он среагировать, как холодная, безжизненная рука сжала его горло.

— Куда это ты собрался, мой дорогой ученик?

<http://bllate.org/book/19168/1882081>